

В.А. Портнов: Приближается дата десятилетия действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на территории России (5 мая 1998 г.). Владимир Александрович, Вы были первым судьей Европейского Суда по правам человека, избранным от России. Хотелось бы, чтобы Вы рассказали нашим читателям о Вашей работе в качестве судьи.

В.А. Туманов: Расскажу примерно в таком порядке.

Несколько слов о себе. Сначала, как была организована работа Суда, затем о составе Суда, а потом о характере преобладавших в тот период дел.

Все это даст представление о том, чем отличается прежний Суд от нынешнего.

Когда мне после ухода из Конституционного Суда России предложили поехать судьей в Страсбург, у меня не было более или менее развернутого представления об этом Суде в Страсбурге, в частности, я не предполагал, что, оказывается, еще до ратификации государством Конвенции оно может иметь своего судью в Европейском Суде по правам человека. Оказалось, что может, и яркий пример этого — известный французский юрист, борец за права человека, сподвижник де Голля — Рене Кассен, который некоторое время был заместителем Председателя Суда, в то время когда Франция еще не ратифицировала Конвенцию. В Страсбурге есть даже улица Кассена, но это, как говорится, *obiter dictum*¹. Тем не менее я дал согласие. Представление ушло в Страсбург, и надо сказать, что довольно быстро, в течение месяца, в октябре 1997 г. я был избран Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) судьей от России. Вместе со мной в списке от России были еще два кандидата: С. Черниченко, известный международник, который и сейчас здравствует, и Ю. Решетов, наш бывший посол в Исландии, который до этого работал в Институте государства и права и МИДе. Голоса разделились. Я получил 55 голосов из числа поданных, Решетов — 17 и Черниченко — 9. Пришло письмо от тогдашнего Генерального секретаря Совета Европы Д. Таршиса, что я избран сроком на 9 лет, по 2004 год включительно (тогда судьи избирались на 9 лет). Однако

10-ЛЕТИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД: БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА С ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ТУМАНОВЫМ

эти цифры оказались обманчивыми. Подоспел Протокол № 11 к Конвенции, и в конце октября 1998 г. пришло письмо уже за тремя подписями: Председателя Комитета министров Совета Европы, Председателя ПАСЕ и Генерального секретаря Совета Европы (такие же письма получили и другие судьи), где сообщалось, что полномочия данного состава Суда истекли. Протоколом № 11 был установлен возрастной предел пребывания в судейской должности, и получилось так, что в новом составе Суда сохранилось менее половины старого состава и, соответственно, более половины покинуло Суд (попутно замечу, что я дважды попал под этот возрастной барьер — это редкий случай: сперва — в Конституционном Суде Российской Федерации, а затем в Европейском Суде по правам человека). Состав Страсбургского Суда накануне реформы 1998 года был, действительно, великовозрастным, но, может быть, в этом и была его сила.

Для некоторых судей, из числа долго проработавших в Суде, расставание с ним было тяжелым, как, например, для французского судьи Л.-Э. Петтити. Очень добросовестный был судья. До позднего вечера работал в своем кабинете.

Во время прощальной процедуры в Совете Европы, заметив, что господин Петтити переживает ситуацию, я подошел к нему и спросил: *Monsieur Pettiti, pourquoi vous êtes tellement triste? La vie continue.* — Почему Вы так печальны? Жизнь продолжается. Он ответил: *Parce que partir c'est toujours mourir un peu.* — Потому что уходить — это всегда немножко умирать. Он не только мне сказал эту фразу. Через две недели после возвращения в Париж он, выходя из такси, умер от разрыва сердца. Какая-то мистика. Это очень переживали в Суде.

Накануне реформы в Суде было 36 судей, и пять вакансий оставались незамещенными. После меня никто не назначался.

Суд работал на непостоянной основе. Ежемесячно проводилась сессия, которая длилась от одной недели до 11—12 дней. И за это время решались все дела, которые к данному сроку были подготовлены к слушанию. После этого судьи уезжали домой, но получали «домашнее задание»: каждому из них давалось несколько дел, которые судья, пока он будет дома, должен изучить и подго-

От редакции. Владимир Александрович Туманов в настоящее время занимает пост Председателя Совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия, должность консультанта Конституционного Суда Российской Федерации и действительного члена Международной Академии сравнительного права; он — известный российский ученый и государственный деятель, юрист с мировым именем; является судьей Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, бывшим Председателем Конституционного Суда Российской Федерации, первым избранным судьей от России в состав Европейского Суда по правам человека; профессором, доктором юридических наук; выступил автором фундаментальных трудов и многочисленных научных статей в области теории права, конституционного права и сравнительного права.

¹ *Obiter dictum* (лат.) -- попутное замечание (примечание редакции).

товить заключение по трем—четырем делам. Таким образом, сказать, что судьи работали 10—12 дней, а потом отдыхали, нельзя, потому что подготовка двух-трех дел довольно сложная задача и судьи возили с собой большие досье.

Пленарные заседания Суда в полном составе проводились редко, по преимуществу — по организационным вопросам. Если конкретное дело затрагивало особо значимые вопросы, оно рассматривалось Большой Палатой, аналогично действующей ныне системе.

Однако большинство дел рассматривались Палатами в составе 7 судей. Палаты формировались *ad hoc*¹ из общего состава Суда. Никаких секций не было.

За время сессии Суд обычно рассматривал 10—12, иногда 15 дел, причем некоторые из них — Большой Палатой. Постановления и решения готовили юрисконсульты. Я не знаю, как сейчас, но в то время юрисконсульты имели право присутствовать на заседании Суда. Они готовили проект постановления и участвовали в заседаниях, на которых комиссия из трех судей редактировала проект постановления.

Небезынтересен способ обсуждения некоторых сложных дел на публичных заседаниях Суда в составе Большой Палаты. Председатель Суда или судья-докладчик оглашали список вопросов, которые представлялись наиболее важными для разрешения дела. Каждый из этих вопросов обсуждался отдельно, и по каждому проводилось голосование. В результате обсуждения часть этих вопросов отсеивалась, если судьи приходили к общему мнению, что это — не вопросы основополагающего характера. Это был очень эффективный порядок обсуждения. В общем же, процедура слушания (в том числе, и публичных слушаний) ничем не отличалась от того, что происходит сегодня.

Мне представлялось не очень правильным, что в аппарате Суда дела подготавливались не по тематическому, а по языковому признаку. Дела на французском языке — одно подразделение, а дела на английском языке — другое. Сейчас, наверное, преобладает английский язык, а тогда это было почти «фифти-фифти».

В.А. Портнов: Сейчас, действительно, преобладает английский язык. Есть юристы и Секретари Секций, основным языком которых является французский, но их меньшинство. И Суд в последнее время перешел на специализацию.

В.А. Туманов: Из 36 судей ровно половина были бывшими судьями из судов государств — участников Конвенции и ровно половина были профессорами университетов. Может быть, «ровно половина» нельзя сказать, потому что несколько человек были одновременно профессорами и судьями. Я был в этой категории и не один. Возраст большинства судей был высокий, что и было особенно заметно, когда уходившие судьи сидели все вместе на прощальном заседании ПАСЕ. Однако не менее высоким был профессиональный уровень. Я очень многому научился в ходе процедуры обсуждения дел. А был я не мальчик: все-таки пришел с поста Председателя Конституционного Суда России.

Мне трудно кого-нибудь выделить из старожилы Суда. Я ничего не могу сказать о Председателе Суда Рисдале. Когда я пришел, он был уже тяжело болен. Меня ему представили, мы с ним поговорили, я встретился с ним еще один раз, а потом он вообще в Суде не появлялся и вскоре умер. Его заместил профессор Р. Бернхардт, ра-

нее директор Института Макса Планка по сравнительному публичному праву и международному праву (г. Гейдельберг, Германия). Я хорошо его знал еще до своего прихода в Суд. Институт государства и права нашей Академии наук имел научные контакты с Институтом в Гейдельберге. Кроме Р. Бернхардта в Суде еще несколько судей, игравших активную роль в Суде. Это — Л. Вильдхабер, представлявший Швейцарию и ставший затем первым Председателем реформированного Суда; единственная женщина в составе Суда Елизабет Палм, представительница Швеции, ранее Председатель Апелляционного административного суда в г. Гетеборге, — строгая и непреклонная в защите прав личности; опытные и авторитетные судьи: К. Руссо — представитель Италии, бывший министр и адвокат Кассационного суда; Д. Фриланд — Соединенное Королевство, ранее судья; Ф. Матшер — Австрия, профессор Зальцбургского Университета. Из числа судей государств Центральной и Восточной Европы назову В. Буткевича — судью от Украины, ранее заведовавшего кафедрой международного права Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко; Д. Готчева — ранее судью Конституционного Суда Болгарии; П. Куриса, представителя Литвы, ранее Председателя Верховного суда Республики, а еще раньше — Вице-президента Советской ассоциации международного права. Канадский профессор Р. Макдональд, представлявший в Суде Лихтенштейн, уходя в отставку, призвал своих западных коллег со вниманием отнестись к «молодым судьям» из стран Восточной Европы и делиться с ними своим опытом.

Когда я появился в Страсбурге, мне было сообщено, что на рассмотрении Суда находится 146 обращений, признанных Комиссией по правам человека приемлемыми для рассмотрения по существу, и я могу указать, в каких из них я хотел бы принять участие. Я этого делать не стал, оставив на усмотрение Г. Петцольда, тогдашнего грефье, — ответственного секретаря Суда (у нас он почему-то именуется канцлером — немецким словом, которого я никогда в Суде не слышал). В этих 146 делах преобладающее место занимали «турецкие». Это был, по-моему, первый случай, когда Суд столкнулся с массовыми «клонowymi» делами (если не считать дела о нарушениях «разумного срока» производства по делу).

Сегодня Суд столкнулся с массовыми «клонowymi» делами по исполнению судебных решений у нас и в Украине. Но «клоновые» дела из Турции были куда серьезнее: они являлись следствием активизации в 1990-х годах борьбы курдов за независимость Курдистана, которая нередко носила вооруженный характер. Выступления курдов были жестоко подавлены турецкими властями, и в Страсбург в массовом порядке стали поступать жалобы на грубые нарушения турецкими властями статей 2, 3, 5, 6 Конвенции. Жалобы отвечали всем необходимым требованиям и были, как правило, хорошо обоснованы. Их подготовку монополизировали две английские адвокатские фирмы.

Конкретные обстоятельства этих дел были, в основном, сходные: турецкие войска входили в населенный пункт, учиняли расправу над жителями, разоряли дома, уводили родных и близких, многие из которых не вернулись никогда, подвергали подозреваемых пыткам и т.п. Следственными органами эти нарушения расследовались нарочито плохо или не расследовались совсем. Очевидна аналогия с «чеченскими делами», которых, как я полагаю, в производстве Суда немало.

¹ Ad hoc (лат.) — для данного специального случая (примечание редакции).

В.А. Портнов: Около двухсот, да и жалобы-то пятишестилетней давности.

В.А. Туманов: Турция сильно пострадала от рассмотрения этих дел в Страсбурге, как в моральном, так и в материальном плане. Страсбургский Суд в старом составе не справился полностью с потоком «турецких дел», оставив немалое наследие пореформенному Суду.

Я участвовал в рассмотрении нескольких «турецких дел», значительное место в которых занял вопрос о беспристрастности национального суда в свете статьи 6 Конвенции. Европейский Суд четко и последовательно отказался от признания беспристрастными турецких так называемых судов государственной безопасности, рассматривавших курдистанские дела. В них председателем судебного состава был военный. В этой связи, Европейский Суд окончательно подтвердил свою правовую позицию, выраженную в понятии «объективная беспристрастность».

Еще одна значительная категория дел того периода — статья 10 Конвенции. В этой связи я ограничусь ссылкой к моей книге, изданной в 2000 году, «Европейский Суд по правам человека. Организация и формы деятельности», где есть отдельная глава о практике применения этой статьи.

В 1998 году Европейский Суд подвел итоги своей деятельности за 40 предыдущих лет. Это — объемистый сборник, в котором много статистических и иных деталей. Мне кажется, что наиболее важным итогом является создание прецедентной основы, на которой и сегодня действует Суд как в процессуальном плане, так и в материально-правовом плане.

В России эта основа представлена в двухтомном сборнике «Европейский Суд по правам человека. Избранные решения» (М., 2000), в котором собрано более 90 базовых прецедентных постановлений и решений, отобранных для этого сборника в самом Страсбургском Суде. По данному сборнику можно судить, какую огромную работу проделал этот неторопливый, но обстоятельный, рассуждающий, высококвалифицированный Суд. Он работал в ином темпе, чем работает Суд сейчас; несопоставимы количественные показатели деятельности Суда тогда и сегодня.

Однако в ретроспективе особенно четко видно, какую большую работу провел в прошлом Европейский Суд по правам человека.

14 апреля 2008 г.